

Эс

ОТКРЫТЫЙ АРХИВ

Журнал и книга - 1992 - 19-26 нояб. (№ 46) - с. 16

...КРИКНУТЬ
ВДОГОНКУ:

«ОГЛЯНИТЕСЬ, ПОДОЖДИТЕ!»

Волею судеб ко мне на время попала принадлежащая другому человеку часть уникального архива одного из крупнейших деятелей мирового и отечественного искусства, который большую часть жизни прожил в эмиграции. Эту часть архива без разрешения владельца публиковать я не имею права, как она ни захватывающа. Но даже на обороте газетных вырезок, в основном из парижской «Русской Мысли», имеющих прямое отношение к сфере интересов их бывшего собирателя, сколько же еще

захватывающего и увлекательного! Чья-то жизнь и судьба, даже если невозможно с ходу установить имя человека, поскольку текст без начала и конца. Есть имена, принадлежащие всем. Пришедшие к нынешним поколениям по большей части уже тогда, когда тех, кто любил и страдал, верил и творил, несмотря ни на что, уже нет на свете. А достоинство их жизни осталось. То достоинство, которого так часто не хватало и до сих пор не хватает нам.

Ал. АВДЕЕНКО.

НЕИЗДАННОЕ

Алексей РЕМИЗОВИз письма
к Серафиме Павловне Ремизовой*

Написал тебе, как ты птицу пожалела и как испугалась, не узнала в кроткой гусенице золотую бабочку.

Вчера был холодный вечер, осенний, и мы смотрели, как пролетали птицы, улетаая на зиму в теплый край. И одна отставала: хлопала крыльями, надсаживалась, а догнать не могла, и пространство между ней и «счастливыми» с каждым взмахом растягивалось.

Птицы не обращали на нее внимания, они летели — так летит пламя, не оглянется по прямой дороге своего пути.

Крикнуть вдогонку: «Оглянитесь, подождите!» Да все равно: мой голос не донесет, а и услышат, не поймут.

Из последних хлопала крыльями птица, а те вона где! Она одна летела по воздушному следу прямой дороги непоказанного ей пути.

После кофе, на неудобной скамейке, я читал про Joinvill'я, а ты вдруг вскрикнула. И я подумал: оса — села тебе на руку, и ты не можешь согнать и потому так испугалась.

Газетой я смахнул осу. А это никакая оса, это была гусеница: безобразная, волосатая с чудной мордочкой.

Как билось ее сердце — очень испугалась! И тихонько поползла по траве — по колючей дороге.

Ты не узнала! Золотую бабочку, приютившуюся в этой гусенице. Разве она может тронуть? День всего и полетать ей — понюхать цветы, посидеть на листке, а вечером она упадет на колючую дорогу и к утру подымет-ся с росой и память о ней, как блеснувшая росинка.

Такой короткий срок жизни, но счет у нее не наш — большая жизнь.

Contrexeville 27-VIII-128.

* Из архива Н. Резниковой.

БЕЗ НАЧАЛА
И КОНЦА...

...не, с Жео Аугсбургом, популярным исследователем Поль-Эмилем Виктор и с Шарлем Плисье, первым иностранцем (бельгийцем), получившим премию Гонкур.

Ряд записей сделан членами Пражской группы евразийцев в этих же 30-х годах, в самом начале их, когда муж мой был членом совета Евразийства. «Стучащему — откроется, непреклонный достигнет», написал Петр Савицкий 4 ноября, прибавив: «Будьте счастливы на всех путях Ваших». Трагична судьба этого замечательного ученого и хорошего человека, совершенно неподходящего для политического активизма. Обманутый своими ближайшими сотрудниками, перекинувшимися на службу КГБ, он слишком поздно понял свою ошибку. Но и впоследствии, в последствии...

Из альбома Александра Гингера.

Зася
Патух и Яблоко
Патух и Яблоко ржились стрижать Зася
Патух орет и курежит,
А Яблоко катается в фуру,
А чтоб работать так об этом никто
и не слышит.
Так знают этот Зася
И отложили на потом.
Мэрфорк